

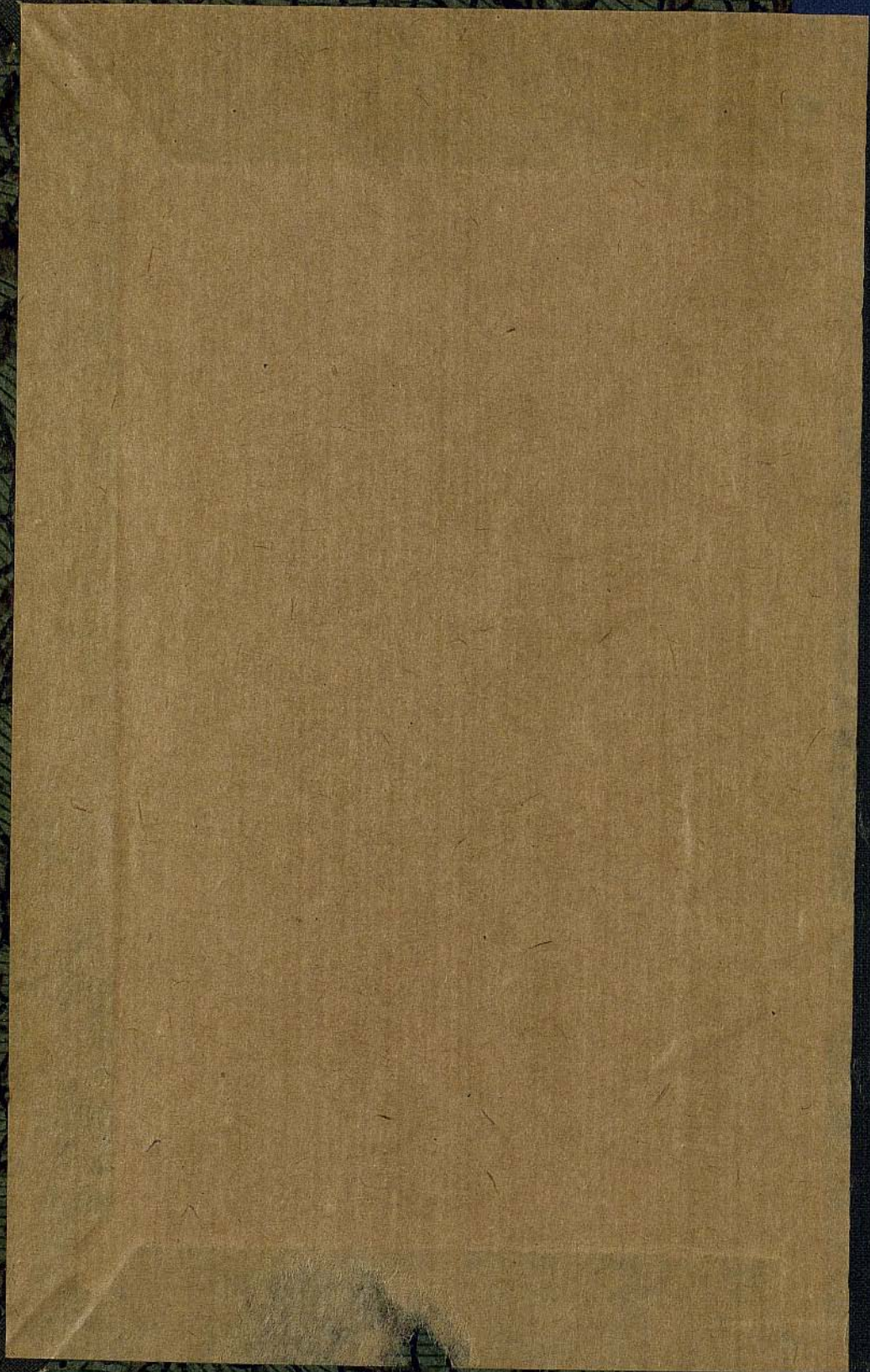
25 Дорождь-

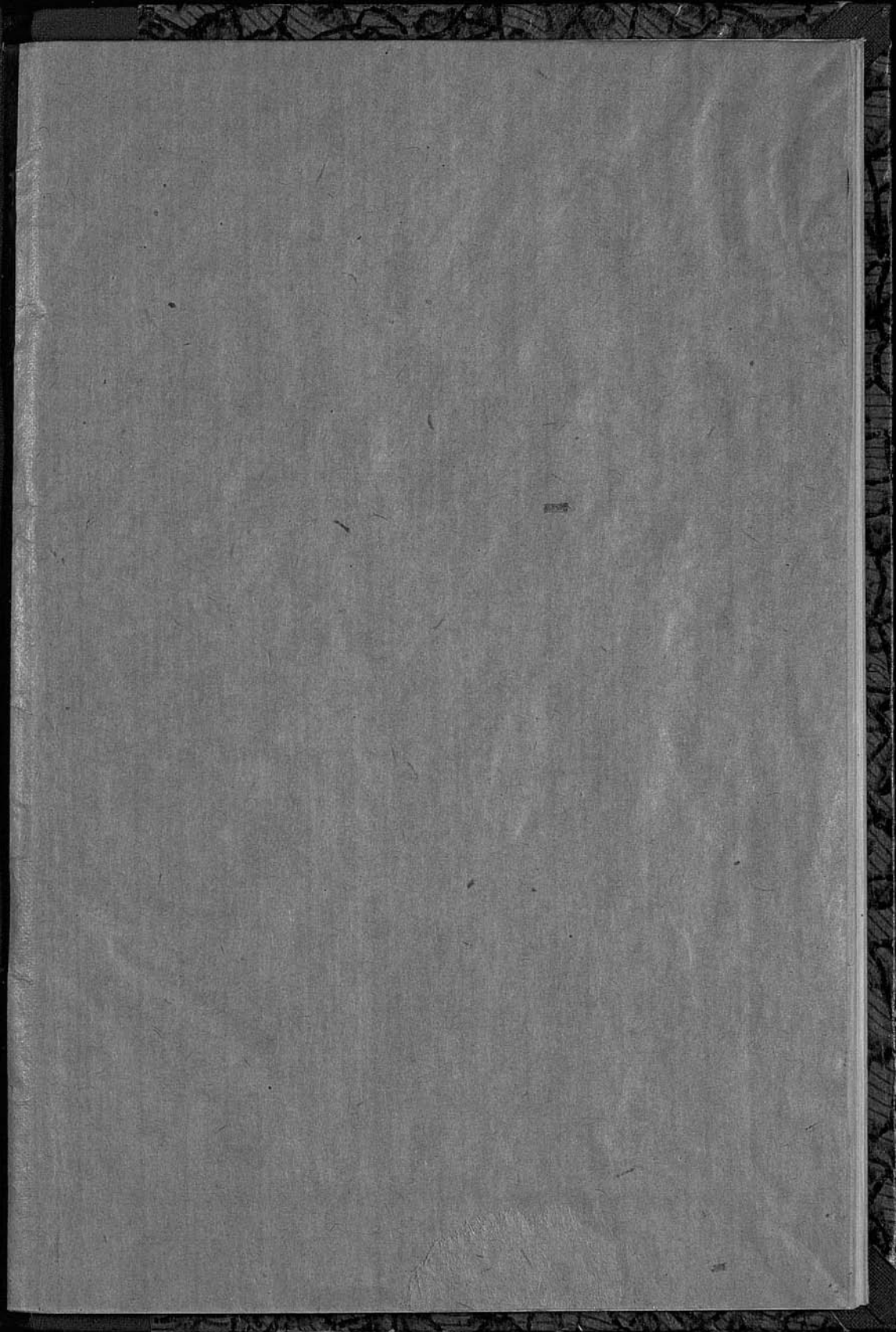
125 немов

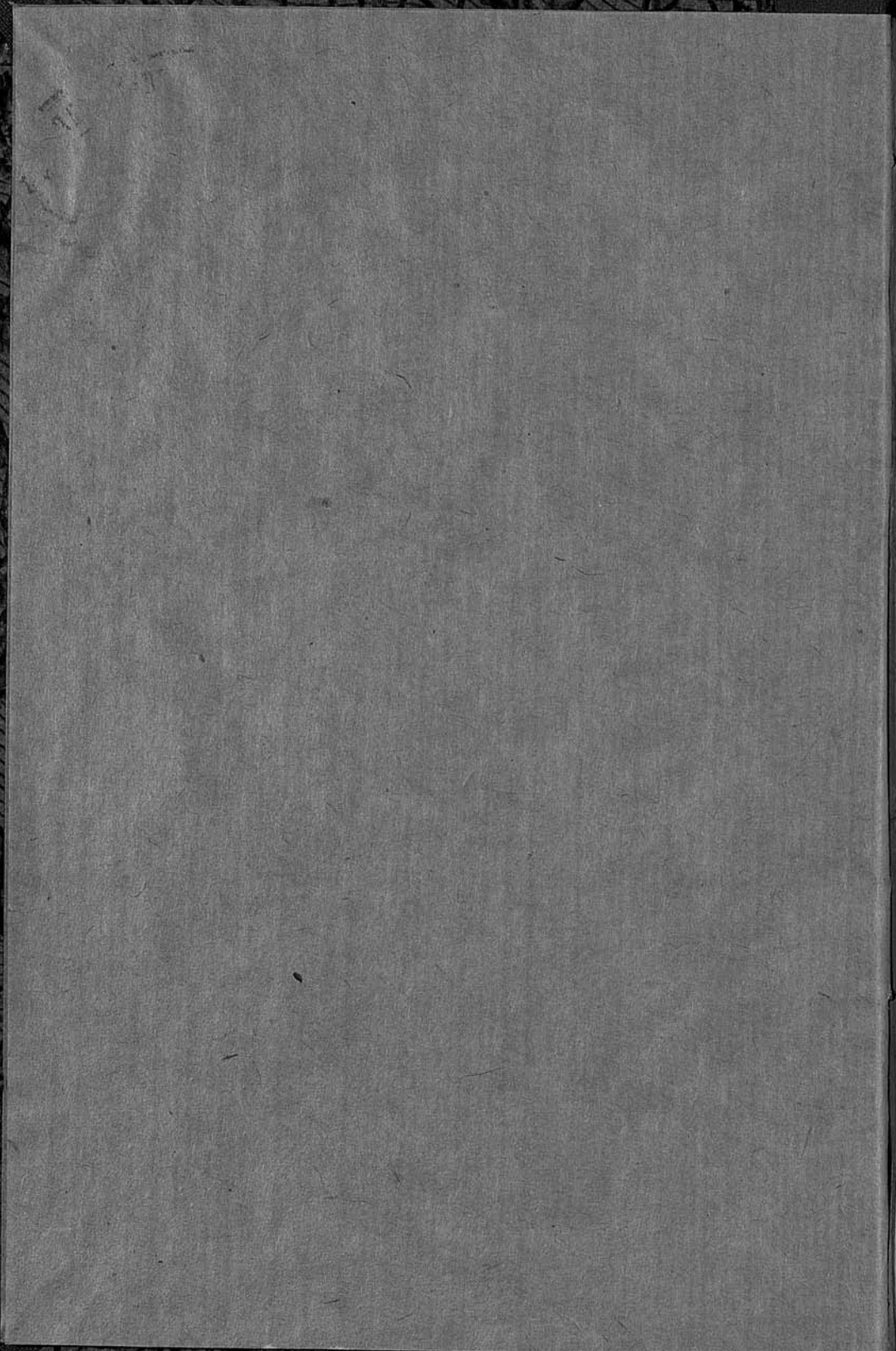
D-69 "Костром-
ской креп.

уг. 3 кв. Суса-
нск."

и. 1881г.

ИЗДАНИЕ ОБЩЕСТВА РАСПРОСТРАНЕНИЯ ПОЛЕЗНЫХ КНИГ

201 1/4
ДБ
125
Д 69

КОСТРОМСКОЙ КРЕСТЬЯНИНЪ

ИВАНЪ СУСАНИНЪ,

КАКЪ ОНЪ ПОЛОЖИЛЪ ЖИЗНЬ ЗА ЦАРЯ.

Сост. Дорогобужиновъ.

ИЗДАНИЕ ТРЕТЬЕ.

ЦѢНА 10 КОП.

МОСКВА.

Типографія Общества распространенія полезн. книгъ Моховая, д. Торлецкой.

1882.

16 40
94
13
103

Изданія Общества распространенія полезныхъ книгъ.

165. Цари Израильскіе. Съ 22-мя картинками. ц. 1 р.
166. Маленькій ветовникъ. ц. 5 к.
168. Разсказъ матери Маргариты. ц. 10 к.
169. Правдивый Петя. ц. 1 к.
170. Добрая жена, злая жена, дѣвочка со спичками, гречиха, дѣ-душка и внучекъ и вечеръ на Рождество. ц. 5 к.
171. Молитвы въ стихахъ, былинны и легенды. ц. 10 к.
172. Вѣднй Горбунъ. ц. 1 к.
173. Дилли или рубиновый крестикъ. ц. 5 к.
174. Людвигъ фонъ-Ветховенъ. ц. 15 к.
175. Ничего, кромѣ листьевъ. ц. 2 к.
176. Заблудившіеся цыплята. ц. 3 к.
177. Введеніе во храмъ Пресвятыя Богородицы. ц. 3 к.
178. Ребенокъ-разнощикъ. ц. 2 к.
179. Антонио Канова. ц. 15 к.
180. Петруша. Сказка Лабуль. ц. 15 к.
181. Св. Павелъ Оувейскій. ц. 20 к.
182. Школьные ступени. Съ 100 картинами. ц. 40 к.
183. Паганини. ц. 15 к.
184. Добрый Самарянинъ. ц. 10 к.
185. Въ Крестѣ наше спасеніе. ц. 3 к.
186. Радуйтесь о Господѣ. ц. 3 к.
187. Спѣши ко Христу. ц. 2 к.
188. О перенесеніи обид. ц. 2 к.
189. Христофоръ Колумбъ. ц. 20 к.
190. Исторія капли воды. ц. 10 к.
191. Краткій духовный алфавитъ. ц. 5 к.
192. Взывай ко Господу. ц. 2 к.
193. О четырехъ путяхъ, ведущихъ къ сохраненію мира, ц. 2 к.
194. Робертъ Фультонъ, ц. 15 к.
195. Праздникъ Рождество Христово, ц. 10 к.
196. Бодрствуй и молись, ц. 3 к.
197. Иудейскія суты, ц. 3 к.
198. Исполнскія руки, ц. 10 к.
199. Давидъ Ливингстонъ, ц. 25 к.
201. Книжка для дѣтскаго чтенія, ц. 10 к.
202. Разсказы о русскихъ самоучкахъ. Изд. 2-е, ц. 15 к.
203. Извлеченія изъ пѣснопѣнія на Рождество Христово, ц. 2 к.
204. Приидите и поклонимся Святому Кресту, ц. 2 к.
205. Заповѣдъ новую даю вамъ, да любите другъ друга, ц. 2 к.
206. О смиренной покорности, ц. 2 к.
207. Иосифъ Гайднъ, ц. 15 к.
208. Толкованіе на притчу о Мытарѣ и Фарисеѣ, ц. 10 к.
209. О покаяніи, ц. 6 к.
210. День представл. праведной Гуліаніи Лазаревской, ц. 3 к.
211. Маша. Изд. 3-е, ц. 5 к.
212. Князь Серебряный. Повѣсть. ц. 40 к.
213. Серебряный стаканъ. Изд. 2-е, ц. 2 к.
214. Русскіе поэты, ц. 15 к.
215. Славянскіе поэты, ц. 15 к.
216. Нѣмецкіе поэты, ц. 15 к.
219. Поученіе о приготовленіи въ смертному часу. М. 1879 г. ц. 2 к.
220. О томъ, за что св. Іоаннъ былъ особенно любимъ Іисусомъ Христомъ. М. 1879 г. ц. 2 к.

ДБ
125
D 69

КОСТРОМСКОЙ КРЕСТЬЯНИНЪ

ИВАНЪ СУСАНИНЪ,

КАКЪ ОНЪ ПОЛОЖИЛЪ ЖИЗНЬ ЗА ЦАРЯ.

Сост. Дорогобужиновъ.

ИЗДАНИЕ ТРЕТЬЕ.

МОСКВА.

Типографія Общества распространения полезн. книгъ Моховая, д. Торлецкой.

1881.

Дозволено цензурою. Москва, 5 Августа 1881 года.

МОСКВА

1881

... И положи его въ яслѣхъ: зане не
 бѣ имъ мѣста во обители».

Еванг. отъ Луки гл. 2, ст. 7.
 «Больши сея любве никто же имать, да
 кто душу свою положитъ за други своя».

Ев. отъ Иоанна гл. 15, ст. 13.

Въ исходу октября 1612 года Полякамъ, воевавшимъ съ нами изъ-за русскаго престола для королевича своего, Владислава, пришлось не въ моготу отсиживаться въ московскомъ Кремлѣ отъ соединенныхъ силъ Пожарскаго и князя Трубецкаго. Голодъ въ крѣпости дошелъ до людоѣдства. Чтобы избавить скудный запасъ пищи отъ бесполезныхъ для обороны потребителей, Поляки выпустили изъ Кремля плѣнныхъ русскихъ женъ и дѣтей боярскихъ. Въ числѣ ихъ 22 октября вышла изъ плѣна въ городъ и великая инокиня Марѳа (въ мѣрѣ Ксенія Ивановна Романова, супруга постриженнаго Борисомъ Годуновымъ въ одно съ нею время митрополита Филарета, бывшаго боярина Θεодора Ивановича Романова) съ пятнадцатилѣтнимъ сыномъ своимъ, Михаиломъ Θεодоровичемъ.

Все, чего насмотрѣлась страданица въ голодающемъ Кремлѣ, все, чего слышалась она и въ плѣну, и на Москвѣ, въ первые часы освобожденія, о неизбѣжномъ избраніи на царство сына ея, — все заставляло ее бѣжать изъ столицы, бѣжать какъ можно скорѣе, какъ можно далѣе, въ глушь, въ дебрь, съ цѣлью уберечь

отъ опасной чести избранія единственное дитя свое. А еще въ 1610 году московскіе люди, не хотѣвшіе чужеземца на тронѣ, желали въ цари Михаила Теодоровича. «Никакой другой родъ въ Московскомъ Государствѣ», говоритъ одинъ изъ нашихъ историковъ, «не пользовался такою любовью и никто не заслужилъ ея болѣе, какъ родъ Романовыхъ. Въ народномъ чувствѣ не изглаживалась память добродѣтельной Анастасіи; помнили и любимца народа, Никиту Романовича, постояннаго и безстрашнаго заступника за мучениковъ передъ мучителемъ, Иваномъ Грознымъ. Свѣжи были въ народномъ воспоминаніи страданія его дѣтей при Годуновѣ, печальная смерть трехъ братьевъ въ изгнаніи, заточеніе Теодора и его супруги. И народъ въ то время много пострадалъ: у него и сочувствіе обращалось къ такому роду, который также выпилъ горькую чашу, да еще безвинно. У русскаго народа съ Романовыми поэтому стала сердечная крѣпкая связь взаимныхъ страданій. Хотѣли Михаила въ цари; но каково было матери его раздуматься о всемъ, что грозило предназначенному на престолъ въ эту страшную пору: крамола боярская за смутное время Московскаго Государства ой росла, и крѣпла: измѣнили въ наследнику престола, Теодору Годунову, и убили его; низложили царя Шуйскаго; служили изъ-за подачекъ и Тушинскому вору; не забывали и себя: сподвижникъ Заруцкаго, пожалованный тѣмъ же вормомъ въ бояре, достойный вождь казачества, князь Трубецкой, избирался же въ цари на Земскомъ соборѣ, передъ избраніемъ Михаила, и какъ ни единодушно сказался народъ за выборъ послѣдняго, но были же голоса въ пользу князя Василя Голицына, въ пользу Воротынскаго. Страшны были изъ этихъ соискателей вѣнца Мономахова и Голицыны — своимъ коварствомъ; и Трубецкой — своими, всюду бродячими, казачьими шайками

и способностью злодѣйствовать спокойно и хладнокровно; но далеко опаснѣе ихъ для Михаила были четвертый претендентъ, королевичъ Владиславъ: отнимая у него престолъ русскій, юный Романовъ рисковалъ жизнью родителя своего, посланнаго еще въ 1610 году въ числѣ пословъ къ королю польскому и продержаннаго тамъ въ плѣну до 1619 года. Кромѣ того, одинъ изъ умнѣйшихъ людей Сигизмундова окруженія, коронный гетманъ польскій Жолкѣвскій, военачальствуя на Москвѣ, въ томъ же 1610 году, свидѣтельствовалъ передъ королемъ о единодушїи, съ которымъ земля желала въ цари Михаила Теодоровича: такое вѣрное и по достовѣрности свидѣтеля свѣдѣніе ясно указывало Сигизмунду, что единственно опаснымъ для сына его избранникомъ на русскій престолъ былъ молодой Романовъ: только устранить эту помѣху, только извести Михаила: онъ — послѣдній въ родѣ, замѣнить его нечѣмъ, — и время уже выиграно, а съ нимъ и половина успѣха: зима пройдетъ на Москвѣ въ усобицѣ и рѣзнѣ между сторонниками остальныхъ бояръ — претендентовъ на царство; а съ открытїемъ весны, король, владѣя Смоленскомъ, стянетъ свѣжія силы, и Русь, какъ недавно Литва, станетъ, наконецъ, подъ высокую руку Польши.

Чтобы избыть бѣду, бѣдной матери нужно было надежно скрыть сына до времени, когда воцарится новый избранникъ. Но гдѣ скрыть? — Въ Романовскихъ вотчинахъ? Въ ближнихъ — опасно; дальнихъ же не знаетъ великая инокиня: не знаетъ и тамошнихъ людей, а безъ преданнаго пособника изъ мѣстныхъ жителей, съ колыбели знакомаго съ окрестностью, сына отъ польскихъ разъѣздовъ, отъ тайныхъ убійцъ не убережешь. Лучшее — въ Костромѣ: тамъ — Ипатьевскій монастырь, обнесенный надежною каменною стѣною, — даръ Лжедмитрія Романовскому роду. Монастырь — на первое время,

а останется и тамъ небезопасно; — есть въ 70 верстахъ отъ Костромы село Домнино — родовое гнѣздо дворянъ Шестовыхъ, гдѣ родилась и росла сама великая инокиня; вмѣсто глухое и захолустное: лѣсъ, да болото; даже и жителей нѣтъ при господской усадьбѣ, приказанной надежному старику, Ивану Сусанину. Эгошь, если понадобится, съумѣеть сокрыть боярина.

И въ первыхъ дняхъ ноября еще старица Марѳа съ сыномъ прибыла уже въ Кострому; гдѣ и остановилась сначала въ собственномъ домѣ, въ кремлѣ, близъ Воздвиженскаго мужскаго монастыря, но откуда вскорѣ перѣхала въ Ипатьевскій монастырь; казавшійся ей убѣжищемъ болѣе надежнымъ. Къ ноябрю 1611 г. любитель уже поправила и пообстроила послѣ пятимѣсячной осады: ея въ 1609 году.

Но и здѣсь душевный покой матери не продлился долго: заходили между монахами тревожные слухи: въ лѣсу не спокойно; — а лѣсъ подступаетъ чуть не къ самой монастырской стѣнѣ: началось дѣло съ того, что два дня сряду лѣсникъ, возвращаясь съ обходу, находилъ выкраденнымъ изъ сторожки хлѣбъ, запасенный на нѣсколько дней, а вечеромъ во второй день покражи на дальнемъ лѣсосѣкѣ видѣлъ четырехъ польскихъ солдатъ, трехъ пѣшихъ, да одного верховаго; два же дня спустя пропалъ и самъ лѣсникъ: какъ въ воду канулъ. Подъ Михайловъ день служба монастырскій, вѣдившій съ двумя дроворубами поднять послѣднія дрова съ того же лѣсосѣка, вернулся въ монастырь уже только самъ другъ, въ разорванномъ платьѣ, съ товарищемъ жестоко искусаннымъ: напали-де злыя собаки, бывшія въ лѣсу съ цѣлою шайкою Поляковъ; а конныхъ и пѣшихъ наберется солдатъ и цѣлая сотня; одни травили монастырскихъ собаками, другіе отбивали, и изъ этихъ одинъ, пѣшій, разноглазый, съ порубленнымъ лицомъ, наказы-

валь служкѣ, чтобы на завтра же вывезли къ лѣсосуѣку 20 пудовъ хлѣба, а не вывезуть, — будетъ и съ дроворубомъ тоже, что стало съ лѣсникомъ; затѣмъ одного изъ крестьянъ взяли съ собою, съ другаго же оставили полшубокъ и отпустили вмѣстѣ со служкою. —

Зашевелились въ монастырѣ: устроили ночные караулы; строго наказали сторожамъ и привратникамъ глядѣть, чтобы не оставалось бродячаго народу послѣ вечерень, ни по кельямъ, ни на дворахъ. Настоятель слезно молилъ воеводу снарядить братныхъ людей въ обходъ по лѣсу, на что воевода отвѣчалъ, что искать Поляковъ въ сплошномъ на сотни верстъ лѣсу все равно, что ловить вѣтеръ въ подфундохъ стужающаго. —

А за вечерней подъ Иоанна Златоустаго служба, обиженный Поляками въ лѣсу, призналъ въ нищемъ, тѣсвившимся къ выходу, разноглазаго поляка, вымогавшаго у монастыря хлѣба. Призналъ также его за монастырскими уже воротами и дроворубъ, возвращавшійся съ посадѣ. Служка рванулся было въ погоню за нищимъ, но въ тѣснотѣ потерялъ его съ глазъ, а мужичекъ до того испугался встрѣчи, что даже и не крикнулъ. —

Съ вѣстью о случившемся явился къ боярыню Сусанинъ, прибывшій наканунѣ изъ Домнина хвѣ монастырѣ съ медомъ и воцинами. Дрогнуло сердце матери; ей стало понятнымъ, — кого высматривалъ переодѣтый лазутчикъ: сегодня — соглядатай, а завтра — убійца. —

— Какъ же уберечь-то мнѣ отъ нихъ моего Михаила?

— Мнѣ отдай его, матушка боярыня, говорилъ Сусанинъ; въ Домнино отпусти его со мною: тамъ Божьею волею, да твоими молитвами уберегу его. —

— Разстаться, мнѣ съ нимъ разстаться теперь, когда убійцы уже высмотрѣли единственное дитя мое? Да кто же уберезетъ его такъ-то, какъ мать уберезетъ, кто

собой отъ ножа заслонить? Да и не одна я тутъ: тутъ и монастырская братья, и городъ—рукой подать. А ты вѣдь одинъ: поспричилось на пути, хорони! Богъ, что съ тобою, что съ нимъ-то тогда станется?

— Тѣмъ-то и опасно, матушка, что людно здѣсь больно: вотъ лихаго челоуѣка среди народа не убережешься. Случись-ка бояринъ нынче за вечернею,—долго ли до грѣха? Тѣнится-то ворогъ впередъ будто свѣчку поставить, на подвополю—ножъ. Не стану и въ церковь пускаться, въ хоромахъ будемъ молиться, а тобѣдню слушать можно. Емули въ алтарѣ.

— А подождутъ хоромы-то, матушка, такъ въ пожарной суматохѣ развѣ уцѣлѣтъ бояринъ? Нешто мало ихъ теперь на лѣсу-то шатается? Набѣгутъ, да и сдѣлаютъ, а заямъ посланы, прежде чѣмъ и выручка-то изъ города подоспѣтъ. Воля твоя, государыня, а, пока морозы польскую челядь изъ лѣса не вытравятъ, боярину здѣсь оставаться негоже.

— Ну, такъ и я съ вами: втроемъ поѣдемъ: все вынесу, а съ нимъ не разстанусь уже.

— Матушка боярыня, хорониться отъ ворога, такъ одному хорониться; ужъ и вдвоемъ-то опасно; а втроемъ не схоронишься. Да по твоей женской немощи, государыня, и истомы-то путевой тебѣ не снести. По теперешней колоти, да безъ подставы, отсюда проѣхать до Домнина—мало, мало день, да двѣ ночи. А, помилуй Богъ, шургастанеть? Тутъ одноконкомъ-то и вдвоемъ тяжело; а пароконная подвода—замѣтѣе. Нѣтъ, нѣтъ, Иванъ, и не говори! Господи! вразуми меня грѣшную! И еще восемь дней прошло въ мукахъ раздумья для царственной матери: на что рѣшиться? Въ день праздника Введенія во храмъ пришла изъ

Москвы отписка. Великой инокинѣ писали, что Сигизмундъ съ Владиславомъ захотѣли вступить въ Московское государство на вырѣчку полякамъ, и осажденнымъ въ Кремль; хотя и тронулись уже къ Волоку Ламскому отъ Погорѣлаго Городища, откуда не впустилъ ихъ воевода, князь Шаховской, но что съ королемъ обратной силы не много, всего тысяча съ чѣмъ-то конниковъ, да Хоткевичъ съ тѣмъ, что ащѣлѣло изъ отбитой отъ Москвы дружины его; — что послѣ благодарственнаго молебна, отслуженнаго русскими въ Кремль 25 октября по случаю освобожденія Москвы отъ Поляковъ, войско и народъ бодры успѣхомъ; что Волока королю не взять, какъ и Городища; что столица богата и людьми и запасами, что Владислава и знать не хотятъ, а быть царемъ на Руси Михаилу Романову; и что королю не слобовать отъ голода и холода, если не уберется въ Польшу до зимы.

А поздняя зима 1612 года была уже не за горами: 21 ноября показалось и первое сало на Волгѣ. Того и смотри, станетъ рѣка. Кострома и сообщеніе между монастыремъ и городомъ прекратится на нѣсколько дней, пекаледь на рѣкѣ окрѣпнетъ для вѣщихъ ходовъ. Но погонять морозы Сигизмунда изъ Россіи — не удержаться отъ нихъ и шатунамъ его въ ипатьевскомъ лѣсу: безъ крова въ трескучій морозъ у костровъ не согрѣешься, да и кормовъ взять негдѣ; а и теперь-то уже за послѣднюю недѣлю ипатьевскіе мужики убили въ два раза трехъ поляковъ, тащившихъ на разсвѣтѣ живность изъ крайнихъ задворковъ слободы. Убитыхъ обыскивали, но ничего писаннаго при нихъ не нашли. Еще недѣля, много — двѣ, и польскіе разъѣзды потянутся на соединеніе съ отступающимъ королемъ, или вымрутъ до одного отъ холода и голода.

Да гдѣ же умнѣе схоронить-то еполотъ ихъ на эти

двѣ недѣли, и думала великая инокиня. Въ кремлевскій домъ развѣ опять переѣхать—все-таки дальше отъ лѣса; все же тамъ и снаряды боевой, и людей ратныхъ много; да на осѣпь-то и тынь крѣпостной мало надежды. Вотъ ужъ четыре года прошло отъ Лисовскаго разоренія, а все не удосужились еще поисправить оборону. Да и тынь-то деревянный: помилуй Богъ, подожгутъ, какъ Иванъ поворить; во всемъ кремль сплошь деревянная постройка: страшно! А всего пуще воевода! Не вѣрю я князю Роману Гагарину. Богъ вѣсть, что у него на умѣ; чрезъ Василя Голицына или въ люди попасть, за него и тянуть, а наша бѣда имъ не горе. Въдѣ какъ вскинулся на меня, какъ просила я попріѣздѣ усилить ночные по кремлю обходы, да стрѣльцовъ нарядить ко мнѣ во дворъ для сторожи! «Не монашеское, честная мать, дѣло въ наши бравные порядки мѣшаться. Дали смирно теперь, Богу слава, у насъ на Костромѣ. А стрѣльцовъ наряжать на лишнюю службу тоже—не дѣло: Михаилъ-то Федоровичъ вѣдь не царь намъ еще пока. Опять же боязно вамъ здѣсь, что много пулясаго народа по улицамъ шатается, ступайте къ Ипатію, вида тамъ и приказываютъ; и вашу вѣдь монастырь-то.» И вправду, здѣсь бы понадежнѣе, если бы не то, что лѣсъ поды стѣной. Стѣна-то вѣдь каменная, снаружи не подожгутъ; пришлый народъ только за службами и бываетъ, а заперли церкви и ворота—кромѣ брати и нѣтъ никого. Отецъ архимандритъ самъ залѣтимъ посмотреть. Это не то, что воевода: и Бога боится, и чужою бѣдою болѣетъ кроткій старецъ Кирилль. Да; поцѣ, да Иванъ еще: эти—за насъ, да изъ остальныхъ ни накого положиться нельзя. «Ты насъ спаси, Богородице Дѣво: Ты бо еси божественный покровъ рабамъ твоимъ.»

Смеркалось, заблаговѣстили къ вечернѣ, и народъ тянулся въ монастырь, когда въ сторожевую избу, про-

дрогшій и тобесиленный, довошелъ отъ дроворубъ, взятый поляками въ лѣсу 7-го ноября: ему удалось бѣжать отъ своихъ мучителей до на выкраденной у нихъ лошади. Гналъ онъ на ней съ разсвѣта и только версты за двѣ отъ монастыря слабая отъ безкормицы лошадь пала въ лѣсу, а оны добрель уже пѣшій. Дали ему водки и накормили его, но на всѣ вопросы и сторожей и сбѣжавшихся служекъ онъ ничего не отвѣчалъ и только просилъ вызвать немедля изъ церкви отца архимандрита. Доложили, и старецъ Кирилль, переговоривъ наединѣ съ мужичкою, тотчасъ же пришелъ къ великой инокини, только что вернувшейся отъ вѣчерни. Передалъ онъ ей недобрый вѣсти: да, разбойничья польская шайка въ лѣсу съ тѣмъ и прислана, чтобы извести боярина Михаила. Дроворубъ говорилъ со словъ четырехъ казаковъ, находящихся въ шайкѣ и имъ подслушанныхъ. Всего народа будетъ въ шайкѣ человекъ шестьдесятъ, и всѣ верховые; съ ними восемь собакъ ищекъ, и собаки еще страшнѣе чѣмъ люди: лѣсникъ было тоже убѣжалъ отъ поляковъ, да спрятался въ болотѣ, чтобы отлежаться до ночи, такъ собаки тотчасъ же выслѣдили его, а поляки зарубили до смерти. Тоже было бы и съ дроворубомъ, если бы сбѣжалъ онъ пѣшій, да не верхомъ. Денегъ у разбойниковъ нѣтъ: король, говорятъ, хоты и отпустилъ задаточныхъ по пяти золотыхъ на брата, да все пропили уже, а сдѣлаютъ свое дѣло каждому еще по 30 дукатовъ отпустить. Кормовъ же совсѣмъ нѣтъ: что набьютъ въ лѣсу, тѣмъ и живы. Вчерашняго мороза такъ они испугались, что пятеро еще съ вечера бѣжали изъ табора. Теплой одежды тоже между ними немного: только у костровъ и грѣются. Какъ пятеро сбѣжали, загомонили и остальные: долго ли намъ тутъ мерзнуть-то: одѣлать дѣло, такъ теперь же дѣлать, а затрещать морозы, такъ отъ нихъ-то ужъ поздно бу-

детъ обѣжать. На цтомъ и порѣшили, вѣчтобы, выждавъ рѣкостава, когда сообщеніе съ городомъ на монастырскомъ перевозѣ упріостановится, выдѣлать послѣднюю попытку: вывезчь монастырь, зачавъ съ деревяннаго мѣна, которымъ обнесены деревянныя же сусала, сѣновалы, когуменникъ, денники, да конюшни, прилегающіе къ тому мѣсту каменной оградѣ, гдѣ съ другой стороны боярскія хоромы съ деревянною же свплотью къ самой стѣнѣ крышею и верхъ крыши выше каменной стѣны. «А занялись хоромы, тутъ уже бояринъ самы къ намъ выйдетъ», шутили казаки. «Же гвѣтотъ, двояркъумъ азъ». Отъ старицы архимандритъ поѣхалъ въ городъ: просить у воеводы помощи на монастырскіе корма, а великая ойнокія послала за Сусанинымъ и передала ему сы глазу на глазу разсказъ отца Кирилла. «Вѣвзхъ М». «Такъ съ первыхъ морозовъ и ждаты краснаго пѣтуха», говорилъ Сусанинъ. «Значить не сегодня — завтра, а для него жъ и не сегодня». На дворѣ вывѣздило, да и нашего обѣглеца поляки жъ вѣрнотъ хватились. Убѣжалъ такъ кромѣ Ипатьевского обѣжать ему некуда, и поразкажетъ тамъ, чего отъ пьяныхъ казаковъ наслушался. Ждаты то и имѣтеперь то же рѣнѣкогда. . . . Того смотри перевозъ снимутъ: о благоденце отецъ архимандритъ на той сторонѣ Матушка боярыня, благослови Михаила Федоровича въ эту же ночь ѣхаты со мною въ Домнино, — твои матернія молитвы дойдуть до Бога: сохранить насъ Цары Небесный; да станеть зима, да пройдетъ обѣда, а первоуткомъ же всамъ сюда къ тебѣ боярина доставлю. Здѣсь же, вили авъ городѣ, все равно, ему обѣды не миновать: монастырь вывзгуть, а въ городѣ не то что въ кремлѣ, да и овы воеводской избѣ, отъ шихаго зелья ли, воть но жали, ему не губерчься. И самъ-то ходить ночью Гагаринъ-то князь, да и бражниковъ околонего много: наслушался я вволю на торгу,

да по кружаламъ, кого Гагаринскіе-то влады въ царя. Такъ всякое лихо нашему боярину этому воронью въ радость. Чѣмъ промежъ нихъ-то спастись, Пегче Михаилу Федоровичу въ монастырѣ горѣть. А сама, государыня, изволишь знать, гоже ли ему тутъ оставаться теперь, когда Божіимъ изволеніемъ извѣстилась ты, яко хоцетъ Иродъ искати отрочати, да погубить ея. — Договаривай же, Иванъ, слова Писанія: «онъ же воставъ, поятъ отроча и матери его ношю, шотыде». Когда сыну смертью грозятъ, чѣмъсто матери—передъ сыномъ. Въ Костромѣ намъ нельзя оставаться. Пресвятая Дѣва съ Божественнымъ Младенцемъ бѣжала отъ убійць изъ города въ пустыню, и тѣмъ спасла жизнь нашего Искупителя; а Марія Нагая не могла укрыться съ сыномъ изъ его стольнаго города, да Углича, и царевича зарѣзали клеветы Борисовы, не смотря на материнскій уходъ и на дѣлый дворъ стольниковъ, стряпчихъ, стрѣльцовъ. Ёдемъ, сейчасъ же ѣдемъ въ Домнино; закладывай лошадь, я здѣсь соберу его... И несчастная мать, осиленная страхомъ, пала на кровать въ судорожныхъ рыланіяхъ. Кликнувъ келейницу и предувѣдомивъ о случившемся молодого боярина, Сусанинъ бросился къ отцу архимандриту. Старецъ Кирилль направился въ келью великой инокини, межъ тѣмъ какъ прикащикъ, вызвавъ боярина отъ матери, убѣдилъ его въ необходимости выѣхать изъ Костромы въ эту же ночь, какъ только заснутъ монастырскіе. Въ комнату, гдѣ говорили они, вошелъ архимандритъ. — Что съ матушкою? спросилъ бояринъ. — Въ жаръ было кинуло и бредъ показался: все про пожаръ изволила говорить; горяченькимъ напоили, да укрыли мѣхами: теперь будто, слава Богу, полегче; смолкла и забылась, какъ она выходила. *Возверзи на Господа печаль твою*, бояринъ, и Онъ, милосердый, упра-

вѣтъ стопы твои. А о недугѣ родительницы не изволь сокрушаться. Въ кремль и хуже было, да вѣдь спасла же вась Пресвятая Заступница города христіанскаго. Здѣсь же на молитвы и на уходъ не поскушимся: самъ знать изволишь, что не тебѣ одному, а и всѣмъ намъ она замѣсто матери. Какъ обладишь лошадь, Иванушко, приходи въ мой кельи: молебень-то напутственный думаю боярину отслужить; виѣстѣ помолимся. — На томъ и порѣшили, ян тобы, кромѣ няни, да ближнихъ келейницъ, никто въ монастырѣ и не зналъ бы объ отѣздѣ боярина, а всѣмъ говорить: боленъ-де и матушка инокиня: никого къ себѣ непускаетъ; а одѣться боярину въ крестьянское платье, и пока изъ города не выйдуть, лежать подъ войлоками: будто одинъ Сусанинъ ѣдетъ. На дворѣ потеплѣло, и небо подернулось облаками. Времяшло къ полуночи. Отслушавъ молебень путники съ архимандритомъ прошли къ великой инокинѣ за благословеніемъ. Мотросиль снѣжокъ: «Дорожка, слава-те Господи, намъ подпадаетъ, бояринъ; а небудь этого снѣга, тяжело было бы буланкѣ и послѣ монастырскихъ кормовъ», говорилъ Сусанинъ. Что боярыня? спросиль архимандритъ. — Да все въ забытьи, батюшка; стонать не стонуть, а закрывши глазки лежатъ, отвѣчала келейница. — Вошли въ опояивальню, освѣщенную только предоб-разными лампадами. — Все-ли готово? послышался голосъ съ кровати. — Пришли за материнскимъ благословеніемъ, государыня, отвѣчала Кирилль. — Надумали мы боярина съ Иваномъ напередъ пустить: пусть въ городскомъ домѣ переночуютъ, да тебя дождутся. А съ разсвѣтомъ-то, какъ, Господь дастъ, тебѣ полегчаетъ, — самъ къ нимъ тебя предоставлю. Втроемъ-то изъ монастыря выѣзжать боязно: на перевозѣ хоть и поздно, а безъ встрѣчнаго

народа нельзя: кабы не стало въ примѣту, что Исани-то непорожня: двухъ вѣдь укрыть не вѣдъ, что одного. Да и тебѣ, матушка, въ дорогу-то съ силами надо собраться. Какъ изводишь отпустить боярина, поочишь съ миромъ. А я до заутрени еще толконусь къ тебѣ, чтобы изъ города-то успѣть вамъ выбратся, пока не пободнѣло.

Сочла ли правдою несчастная мать слова архимандрита; предвидѣла ли горечь неизбѣжной иза болѣзньную разлуки — Богу извѣстно; но она не противорѣчила.

Сложивъ руки на голову колѣнопреклоннаго у кровати сына, она молилась про себя. Въ тишинѣ кельи слышался только трескъ лампы, да шопотъ Кирилла, повторявшаго слова отпуски: *аки узриши благая Иерусалима.* — *Аминь*, промолвилъ Сусанинъ.

О полуночи были уже на перевозѣ. Свѣтъ падалъ хлопьями въ безвѣтренномъ воздухѣ; было облачно, тепло и темно; на городской сторонѣ слышались пѣсни запоздалаго въ кружалѣ народа.

Въ Домнино, значить, Иванъ Васильевичъ, спрашивали перевозчики.

— Да, Михайлушко, погостевали у васъ, пора и до дому, — отвѣчалъ Сусанинъ.

Что-жъ поздно собрался?

Бояринъ, вишь, занемогъ, такъ Марѣ-то Ивановнѣ отпустить было недосужно; а тутъ келейницы съ кладью провозились: теперь-то стали собирать, а до пѣтуховъ не привелось выбратся.

Такъ вѣдь не въ городѣ ночевать же?

Гдѣ въ городѣ! къ свѣту-то въ Потанинѣ надо быть: все же за ночь четверть путины, Господь дастъ, и сдѣлаю. Дорожка-то знатная подпадаетъ: — животинѣ легче.

У причала стояло человекъ пять народу, и слышалась пьяная молвь.

от — никакъ обратные; проговорилъ Михайло. — Да и нагрузились-же братаецъ ты мой: праздновали, выходить; какъ бы изъ посуды-то въ воду не вывалились.

Извѣстно, праздники, отозвались другіе перевозчики.

Подвинувъ лошадь къ самому засову, чтобы тотчасъ же тронуть ее, какъ только кинуть сходни, Сусанинъ сталъ у градки, чтобы подхватить сани на подъемъ и рысью подняться на крутой берегъ.

Сходни упали и, прежде чѣмъ пьяные успѣли ступить на нихъ, буланка подняла уже сани на бугоръ, сбивъ съ ногъ передняго саннымъ отводомъ.

— Что народъ давишь-то, лѣшій! чьи такіе? — кричали имъ вслѣдъ.

— Теперь ругайтесь вволю, молвилъ про себя Сусанинъ, вскочивъ въ сани на полной рыси.

Въ Потатинѣ прокормили до сумерекъ. Свѣтъ не унимался и дорога, чѣмъ дальше отъ Волги, становилась лучше. О блуночи опять покормили у знакомаго мужика; подморозило, и ко вторымъ лѣтхамъ, безъ встрѣчъ и приключеній, пріѣхали въ Домвино.

— Ну, буланка, сослужила ты свою службу, говорилъ Сусанинъ, опрастывая отъ ледяныхъ иглъ потную морду лошади; теперь сподоби Господи сослужить свою и раба Божьяго Ивана. А ну какъ на перевозѣ-то выболтають, кого перевозили? Двое изъ пьяныхъ больно на казаковъ смахивають, а можетъ и изъ Ляховъ шатуны-то: на томъ, что упаль, одежда словно нерусская. Какъ бы погони не было! Ну да ладно: страшень сонъ, да милостивъ Богъ. Здѣсь-то не сыскать имъ боярина. Пуще всего собаки-то страшны, отъ чтобы какъ чутьемъ не выслѣдили. Батюшка Михаилъ Федоровичъ, пріѣхали; започиваль. Отворить пока горницы. Въ херомы пожалуй, бояринъ. Сейчасъ истоплю. Вишь, настыло-то

какъ. Да ставни закутать надо, чтобы съ надворья огня не запримѣтили. — Гдѣ же спрятать? — вѣтъ въ оной пещи. Огонь затрещалъ. Передъ широкимъ устьемъ русской печи Сусанинъ разложилъ мѣхалы войлоки, и принесенные изъ саней, и принялся варить сбитень. — Водки бы пока выкушалъ, родимый, говорилъ старикъ, доставая графинъ изъ поставца: горвица-то не вдруть вѣдь согрѣется. Гдѣ постлать прикажешь, аль на лежанкѣ? теплѣе будетъ. Горяченькаго изволишь покушаться, да и ложись съ Богомъ; до свѣту еще далеко. А поспѣеть сбитень, я къ зятю Богдашъ побѣгу, благо буланка еще невыпращена. Тутъ хрукой подать до Деревнища-го; духомъ и вернусь. Антонидъ сказать, чтобы побѣдъ-то варила; сюда и принесеть. А тебя въ хоромахъ на замокъ запру, бояринъ, пока вернемся; ужъ не взыщи; еще и проснутъся не изволишь, а мы съ дочерью ужъ тутъ. — Гдѣ же спрятать боярина такъ, чтобы собаки-то ихъ людскаго духа не начуяли, гдѣ думать Сусанинъ она пути къ зятю. Окромѣ тайника подъ коровьими яслями, лучше мѣста и не надумаешь: тутъ вне то что Ляхамъ, да и собачьимъ чутьемъ не найдутъ скотина-то пахнетъ сильнѣе челоука. Какъ проклятые набѣгутъ, а на первое время тутъ-то будетъ ладно. А застрянуть здѣсь не на одинъ день, перемѣстить придется боярина; всю эту челядь-то въ лѣсъ отведу. Отъ насъ дѣла подалше, а пока вернемся, Богдаша, тѣмъ часомъ выкрадетъ нашего родимаго къ себѣ въ Деревнище. Тайникъ-то и у него подъ овиню надежный; вѣда опять какъ бы тѣ не начуяли? Развѣ овинь-то сжечь? тогда сѣредь гари не разнюхаютъ. Слава-те Господи, что умудраешь меня, слѣпца. Въ этомъ-то развѣ, какъ бы со мною что и по-притчилось отъ изувѣровъ, — зятекъ-то же вѣдь душа христіанская, да и разумомъ его. Богъ не побидѣлъ — зарокъ мой исполнить и боярина къ матушкѣ инокинь,

улучивъ часъ, какъ одорога-то доу Костромы отъ нихъ поопростается, — доставить съумѣть не хуже меня. А загостятся Ляхи въ Домнинѣ, а можно вѣдь и народъ поднять, чѣмъ терпѣть отъ ихъ воровства и грабежа. Пойдутъ и Исуповскіе и Деревнищенскіе это съ Перезова: нѣшто нелюдно; только что развѣ ружейниковъ между ними мало, а съ косою, да рогаминою супротивъ ляхскихъ ружей и пистолей не навоюешь. И добро бы сила, а то и всего-то ихъ съ полсотни не наберется: съ дороги-то тоже по вчерашнему снѣгу не мало ихъ вѣрно разбѣжалось. А не собьемъ народу; постоимъ и въ одиночку за своего царя Михаила. Господь поможетъ. Наслѣдить развѣ по лѣсу, благо пороша теперь свѣжа, да и потеплѣло: будто на охотѣ бояринъ; пусть ищутъ: собаки-то по моему слѣду и въ Шачинскую зыбь сволочь эту заведутъ, а не закрѣпчаетъ морозъ, имъ оттуда не выбраться. Самъ заведу... а послѣ то что... Наровить развѣ ко Красной соснѣ, да тамъ черезъ Водышь кинуться? Только сдержалъ бы ледъ, а на томъ берегу сразу лѣсисто и тропка знакомая; тѣмъ и хороша, что погоня по ней невозможна: кто знаетъ — пройдетъ по пенькамъ, да по кочкамъ, съ Божьею помощію, а кому въ первой — чуть промахнулся ногою — и пропалъ: кругомъ бѣли да окна: вмигъ засосетъ. Ну, а не сдержитъ ледъ?... На все воля Божья. Самъ сгину, да лишь бы злодѣевъ только перетопить. Когда-то еще морозы погонять отсюда Ляховъ, а перепрывать боярина въ третій, да въ четвертый разъ не всегда и удастся. Такъ-то будетъ вѣрнѣе. Что-жь? Крестьянская голова — не дорога, а та дорога, что всей Руси голова. Антонидушка у меня пристроена; самъ шестой десятокъ доживаю; такъ пусть же дѣти, да внуки поминаютъ, какъ расплатился «рабъ вѣрный» за господскую любовь, да за ласку. Внуку покойнаго Ивана Васильевича чужой

вѣшто намъ? Ни отъ него, ни отъ стараго барина, Василья Михайловича, кромѣ хорошаго ничего мы не видали. Не на худомъ же стало быть дѣлѣ придется честную смерть принять; съ этимъ и къ Богу на глаза не страхъ показаться. Будь что Ему угодно, а ужъ живой въ руки поганымъ не дамся.

Видишь досвѣтки справляютъ, проговорилъ Сусанинъ, завидѣвъ огонь въ Сабининской избѣ и слѣзая съ саней.

Порѣшили съ Богданомъ на томъ, чтобы кромѣ его, да Антонида ни одна живая душа не знала о приѣздѣ боярина въ Домнино. Семену, брату Богданову, сказать, что какъ выѣзжалъ Сусанинъ изъ Костромы, былъ вѣрный слухъ, что польская шайка собирается въ Домнино искать боярина съ матерью инокенею, — и тотчасъ же отправить его на доброй лошади по костромской дорогѣ; пусть ѣдетъ шажкомъ, да развѣдываетъ, не показались ли гдѣ Ляхи; а не встрѣтитъ ихъ, пусть проѣдетъ и въ Ипатьевскій монастырь, и доложить бояринѣ, что Сусанинъ-де доставилъ кладъ въ Домнино благополучно и самъ въ Кострому повернется скоро. Да въ монастырѣ Семену и дожидаться Сусанина; а чуть встрѣтилъ Поляковъ, тотчасъ же летомъ назадъ въ Домнино, дать знать Сусанину, и тутъ ужъ пусть лошади не жалѣть: чтобы успѣть припрятать понадежнѣе боярское добро, пока Ляхи не набѣжали. Овинъ поджечь какъ отемнѣть, чтобы виднѣ былъ пожаръ окрестному люду: „не досмотрѣли-де: занялся отъ сушки хлѣба;“ а какъ стухнетъ, тайниковую дверь къ свѣту опростать отъ головѣшекъ и гари, да и тайникъ обладать какъ почище да потеплѣе. Богдану же, пока не покончатъ съ Поляками, дальше Домнина никуда не отлучаться, да смотрѣть въ оба глаза, когда способнѣе будетъ перемѣстить боярина изъ домнинскаго въ овинный тай-

Иванъ Сусан.

2

518519

никъ. А не вернется Сусанинъ изъ лѣса, куда сведетъ Ляховъ, не трогаться съ бояриномъ въ Кострому, пока доподлинно не узнаютъ, что съ ворогами подѣлалось и смирно ли на костромской дорогѣ. Если смирно — съ Богомъ, да и то не вдвоемъ, а собрать обозъ съ сѣномъ: на продажу-де въ Кострому, а да къ обозу-то и пристроиться. Антонидѣ ни слова про то, что Сусанинъ самъ заведетъ Поляковъ въ лѣсъ: сподобитъ Богъ вернуться — вмѣстѣ поблагодаримъ Его милосердаго; а нѣтъ — позже голосить начнетъ. Теперь же ей дѣло: дорогомю гостю кушать варить, да носить, куда укажутъ.

Вернувшись въ Домвино съ зятемъ, дочерью и вавревомъ, Сусанинъ наказалъ Антонидѣ быть при бояринѣ для послугъ неотступно, а Богдану — буланку къ корму поставить, подъясельный тайникъ почище убрать, да войлоками выслать, и затѣмъ идти жечь овинъ, самъ же, пообѣдавши, завалился на печь и до свѣта проспалъ мертвымъ сномъ.

А со свѣтомъ старикъ, надѣвъ зятевы валенки, пошелъ въ лѣсъ слѣды пролагать, приказавъ Богдану что дѣлать, на случай — Семень прибѣжить въ его отсутствіе. Въ поздніе обѣды вернулся Сусанинъ домой, высмотрѣвъ что надо и заполевавъ волка боярину на поклонъ.

— Не бываль Семень?

— Не бываль еще, батюшко, отвѣтилъ Сабининъ.

— И ладно: не кушалъ бояринъ?

— Тебя дожидается.

Осмотрѣвъ тайникъ и выходную изъ него дверь въ огородъ, старикъ пошелъ служить боярину за обѣдомъ.

Совсѣмъ уже смерклось, когда на взмыленной лошади влетѣлъ на дворъ Семень: Ляхи точно идутъ. Уже въ Богородскомъ ему говорили, что бражничаютъ вороги въ Кузнецовѣ, а на полдорогѣ отъ Кузнецова зави-

дѣлѣ и самъ ихъ; свернулъ въ лѣсъ и высмотрѣлъ какъ тянулись они по дорогѣ, всего пятьдесятъ верховыхъ и всѣ цыгане, еле на коняхъ держатся, а лошади худы и слабы, чуть ноги волокутъ, такъ что въ Домнино раньше какъ къ свѣту ждать ихъ нельзя.

— Зять, ступай за виномъ.

— Сколько, батюшка, взять-то прикажешь?— Восемь ведеръ возьми: вылокають. Да барановъ четырехъ приколоть; нехристи, вѣдь имъ постъ святой — неуказъ. Хлѣба короваевъ съ десятокъ прихватилъ бы ужъ заодно отъ своихъ. Пусть угостятся Ляхи на своихъ на поминкахъ-то. Антонида, живо въ хоромы: барское добро въ тайникъ со мною таскать! Да лошадь-то, Семень, къ корму приставь, перехватить пока до полночи; и самъ соснулъ бы. А закричатъ пѣтухи — разбуду; опять по костромской дорогѣ поѣдешь: вороги въ Молвитинѣ какъ бы не заночевали; а тронутся изъ Молвитина, скачи сюда опять, чтобы здѣшнимъ до ихъ прихода успѣть попрятаться. Одинъ ихъ встрѣчу.

Быль уже бѣлый день, когда прискакалъ Семень съ вѣстью, что выступили Ляхи изъ Молвитина.

— Сведи-же ты, паренекъ, лошадь домой, а самъ духомъ сюда пѣшкомъ ворочайся, да и стань у околицы, будто верею облаживаешь. Спросятъ тебя Ляхи про боярина, отвѣчай — не знаю; про меня спросятъ — отвѣчай: въ лѣсу; — гдѣ въ лѣсу? — Веди ихъ въ Коршунны: тамъ меня встрѣтите.

Расчетъ старика былъ вѣренъ: Коршунны — лѣсная пустошь въ полторѣ версты отъ Домнина и въ полуверстѣ отъ Деревнища. Встрѣчая Поляковъ не въ усадьбѣ, онъ давалъ имъ возможность обыскать всѣ постройки ея и убѣдиться, что боярина дома нѣтъ; будь онъ дома, Сусанинъ де не оставилъ бы мѣста, гдѣ спрятанъ Михайхъ Федоровичъ. Устройвъ боярина въ тай-

никъ и отпустивъ Сабининыхъ въ Деревнище, старикъ оправиль лампаду предъ образами, помолился, взялъ топоръ и ушелъ въ Коршуны, оставивъ незамкнутыми и боярскія хоромы, и приворотню, и скотный дворъ, а только приперевъ двери наружными задвижками, чтобы видно было пришельцамъ, что хозяева отлучились со двора, да не надолго.

Семень недолго прождалъ Поляковъ у околицы. Передній изъ казаковъ спросилъ его: гдѣ бояринъ?

— А кто его знаетъ.

— Сусанина давай сюда.

— Дома нѣтуги; въ лѣсъ ушелъ.

— Веди во дворъ.

Вошли; люди разсыпались по постройкамъ, а старшій Полякъ съ двумя казаками привелъ Семена съ собою въ хоромы.

— Кто кромѣ тебя изъ людей еще есть въ домѣ?—

Окромѣ меня и нѣтъ никого: дѣдушка Ивану одному усадьба приказана.

— Какой-такой Иванъ?

— Да-Иванъ—Сусанинъ-то и есть; такъ тотъ въ лѣсъ ушелъ.

— Куда въ лѣсъ?

— А въ Коршуны, дрова рубить.

— Самъ-то ты откуда?

— Деревнищенскій.

— Тутъ-то что дѣлаешь?

— А порядилъ дѣдушка околицу исправить.

— Околицу исправить, передразнилъ казакъ. Эхъ ты, несуразый! тихоня какой: ничего не знаетъ. Гдѣ бояринъ, говори! да смотри не ври, видишь это? кипятился казакъ, указывая на пистолеть.

— Дячье вратъ-то? гдѣ же мнѣ знать про боярина,

коли я нетутошній: можетъ я и въ хоромы-то въ эти въ первой взосель.

— Толкуй по пятницамъ. Ёсть давай, что у васъ тутъ наготовлено?

— Да вотъ-же те Богъ, дяленька, не знаю, гдѣ у нихъ что лежитъ. Кабы дѣдушка былъ, такъ про все вамъ отвѣтъ далъ бы.

— Проводишь въ Коршуны. Да не вздумай улизнуть: отъ пули неубѣжишь вѣдь, вражій сынъ, изъ горницы— ни нагой!

Все переискали и въ хоромахъ, и въ службахъ; на-шли и постель, и бѣлье боярское, и тонкіе сапоги: видно что былъ, и недавно, а теперь-то гдѣ? Передъ полуднемъ, прихвативъ Семена, Лахи тронулись въ Коршуны; сташили въ лѣсу полушубки съ трехъ крестьянъ, шедшихъ изъ Перевоза въ Деревнище; и по стуку топора, гулко отдававшася въ холодномъ воздухѣ, набрели и на Сусанина.

— Во дѣдушка, указаль Семень.

— Гдѣ бояринъ твой?

— А почто вамъ его.

— Самому скажемъ. Говори гдѣ онъ?

— За охотой пошелъ: вмѣстѣ и вышли утромъ, онъ съ ружьемъ, а я сюда. Должно къ обѣду вернется.

— Ну, рассказывай сказки-то. Не отговоришься; веди пока въ Домнино, да ёсть давай.

Вернулись въ Домнино, обобравъ, изобидѣвъ и выпрягши лошадь у двухъ встрѣчныхъ високовскихъ бабъ. Снова — поиски, стращанья, распросы; и люди, и собаки рыщутъ по всей усадьбѣ. Сусанинъ, собирая обѣдъ, порастворялъ и клѣти, и амбары, и огуменникъ; все переискали напрасно, заграбили изъ кладовыхъ два полушубка и еще что полегче, да поцѣнифе, и усталые ввалились въ хоромы ёсть и бражничать.

Сусанинъ угощалъ на диво, все вслухъ горюя, что бояринъ до сихъ поръ не бывалъ: «ужь развѣ въ лѣсу не сказали ли, что за его милостью вы прѣхали: можетъ испугаться изволили, да и прячется».

— Однако, панове шляхетство, говорилъ старшій рейтаръ, пить, да ума не пропивать: не за водкой прѣхали. Нейдетъ къ намъ его милость, сами пойдемъ искать его по лѣсу. А старика на сворку, и пусть ведетъ назадъ въ Коршуну; оттуда и собакъ на слѣдъ набросимъ; тамъ говорить, разстались-то утромъ. Время не ждеть, такъ чтобы въ лѣсу и не заночевать-то.

И пошатываясь, да наполнивъ флаги водкою, полупьяная толпа посадилась на-конь.

При въѣздѣ въ лѣсъ завидѣли ляхи дровни, запряженные доброю лошадью, и при нихъ мальчика, да голодаевского мужика, таскавшего дрова съ лѣсосѣка. Передніе мимо проѣхали, а двое заднихъ кинулись выпрягать лошадь; набѣжалъ мужикъ, сталъ лошадь отнимать. Одинъ изъ поляковъ вытянулъ его плетью, а мужикъ топоромъ разсѣкъ ему голову, да за то и самъ покотился съ прострѣленною головою. Лошадь съ дровнями, куда уложили раненаго, взяли вернувшіеся поляки; мальчикъ юркнулъ въ кусты.

— А чтобы вамъ ни дна, ни покрыши, безмозглые! ужь сказать, что безмозглые, ворчали казаки; чѣмъ бы одно свое дѣло тихо дѣлать, а они народъ губять, да бьютъ. И всего самихъ съ гореть осталось: поднимется мужичье-то, тогда уноси только ноги, да и дѣла не слѣлавши. И мальчѣнка-то пристрѣлить не сумѣли, пьявицы! тоже, рассказать вѣдь сумѣеть, какъ тятку забили. Волоки мертвеца въ кусты-то, чтобы хоть пока день на виду не валялся.

— Старикъ! окликнулъ казакъ, подъѣзжая къ Суса-

нину; чей такой малый въ Домнинѣ безъ тебя околицу облаживалъ?

— А зятя моего, братенекъ.

— И дочь жива?

— Жива, Христочь съ ней.

— Гдѣ же живутъ-то зятя съ дочерью?

— Да недалеко вонъ здѣсь въ Деревнищѣ, съ полверсты будетъ отсюда.

Казакъ пошептался со старшимъ рейтаромъ и крикнулъ Сусанину: «къ зятю веди!»

Пришли и въ Деревнище. Здѣсь, также какъ и въ Домнинѣ, весь сабининскій дворъ обшарили; спускались и въ погребъ; лазили по клѣвамъ и закутамъ; побывали и въ погуменникѣ. Всюду водилъ ихъ Семень.

— А хозяева гдѣ спрашивали казаки.

— Въ Исупово къ отцу Петру на именины поѣхали: къ вечеру вернуться, должно.

— Веди назадъ въ Коршуны, крикнулъ казакъ, толкая Сусанина изъ воротъ. Поворотились и въ Коршуны, но скоро свернули съ дороги въ строевой дѣсь, и Сусанинъ навелъ на слѣдъ. На первомъ мягкомъ и несхваченномъ еще послѣ вчерашняго морозомъ снѣгу слѣдъ человѣчій вдавливался ясно и отчетливо; путаннаго ничего не было; видна была одна пара ногъ; первые отъ дороги слѣды еще нѣсколько черноватые отъ дорожной на обуви грязи, а тамъ чѣмъ глубже въ лѣсь, тѣмъ чище и яснѣе очертаньемъ отъ затишья. Собаки понеслись по слѣду. Сталъ и Сусанинъ покликивать: «бояринъ, а бояринъ! Михаилъ Федоровичъ! свои, озовись, родимый!» Часы спустя, лѣсь зарѣдѣлъ: спускались къ рѣкѣ Корбѣ; слѣдъ велъ глубокимъ и обширнымъ сучодоломъ, по которому извивалась рѣка, подернутая уже тонкимъ льдомъ отъ недавняго мороза. На крутыхъ его окраинахъ, съ обѣихъ сторонъ воды, берега перерѣзы-

вались глубокими оврагами, заросшими дремучимъ лѣсомъ. Въ тихомъ и сыромъ воздухѣ слышался только топотъ лошадиный, да крикъ вороны, сорвавшейся съ ели и осыпавшей инеемъ проходящихъ. Собаки скучились и замахали хвостами; передній полякъ соскочилъ съ лошади и подбѣжалъ къ нимъ: на снѣгу было видно двѣ три капли крови и птичьи перья. «Должно рябца убилъ,» промолвилъ Сусанинъ. И снова далѣе, и конца нѣтъ лѣсу; и все онъ гуще, да гуще; все круче и чаще яры, и на спускахъ и подъемахъ приходится сходить съ лошадей; а ужъ будто и вечерѣеть. Еще съ полчаса хода и сквозъ порѣдѣвшій лѣсъ завидѣли деревеньку.

— Что за деревня? спросилъ казакъ.

— Перевозомъ зовутъ, отвѣчалъ Сусанинъ.

Слѣдъ, не прерываясь, шелъ мимо задворковъ вдоль околицы деревни. Миновали и крайнія избы, нигдѣ ни огня, ни дыма, ни ребенка; даже у воротъ никакого звука, кромѣ собачьяго лая изъ подворотень.

Вымерли здѣсь они, что-ли, ворчали казаки. Слѣдъ снова углубился въ лѣсъ, и собаки скрылись уже за первыми кустами, когда банда стала. Старшій рейтаръ переговорилъ что-то съ казаками, велѣлъ выкликнуть и сосворить собакъ и поворачивать въ деревню.

— Здѣсь мы съ тобою поговоримъ, сказалъ одинъ изъ казаковъ Сусанину, сбивъ обухомъ первыя ворота деревни и вводя его въ избу, вслѣдъ за рейтаромъ и старшими шайки. Печь не остыла еще, и въ домѣ замѣтно было, образа и что поцѣннѣе куда-то убраны. Хозяевъ ни души. Ляхи разсыпались по деревнѣ и, на-таскавъ живности, стали щипать и варить птицу на запылавшемъ огнѣ. А старшій рейтаръ совѣщался съ казаками, допрашивая Сусанина въ красной избѣ.

— Далеко-ли до Домнина?

— И версты не будетъ, отвѣчалъ Сусанинъ.

— Что врешь-то? пять часовъ шли лѣсомъ и одной версты не отошли? —

— Шли, да кружили Корбою. Усадьба-то вонъ и отсюда видна. —

— А какова дорога? —

— Торная дорога, ничего, отозвался Сусанинъ.

— Разсчитывая, что за пять часовъ отлучки изъ Домнина, бояринъ могъ и вернуться туда, если действительно былъ онъ на охотѣ; — или показаться изъ мѣста, гдѣ былъ сокрытъ, полагая, что поляки не вернутся уже, — совѣтомъ порѣшили — послать тотчасъ же въ Домнино развѣзды въ 10 человекъ съ казакомъ, на лошадахъ какія посвѣжѣе; чтобы слетали на рысяхъ, тамъ все какъ утромъ обшарили бы и тѣмъ же слѣдомъ, не мѣшкая, возвратились бы въ Перевозъ, чтобы всѣмъ вмѣстѣ тронуться въ лѣсъ, какъ мѣсяцъ взойдетъ, или на ярославскую дорогу, если схватятъ боярина. А пока вернется, поставить по два караульныхъ въ двухъ концахъ Перевоза.

Смеркалось и морозило, когда развѣзды выступили въ Домнино. Въ ясныя осеннія сумерки можно было прослѣдить изъ Перевоза, расположеннаго на горѣ, какъ вершники, спустившись въ долину Шачи и переѣхавъ гусемъ гать, на рысяхъ поднимались къ Домнинской усадьбѣ.

Но Богданъ не дремалъ; прослѣдивъ поляковъ до спуска къ Корбѣ и убѣдившись, что потянулись они къ Перевозу, черезъ что сообщеніе между Домнинымъ и Деревнищемъ стало безопасно, онъ тотчасъ же вернулся къ санямъ, оставленнымъ съ Семеномъ, у торной дороги черезъ Коршуны, прискакалъ въ Домнино, вывелъ боярина въ крестьянской одеждѣ изъ тайника, завалилъ дверь сѣномъ и въ четверть часа перемѣстилъ его въ свой тайникъ подъ сожженнымъ овиномъ.

Но А пока разъѣзды ставилъ все вверхъ дномъ въ Домнинской усадьбѣ, Сусанину въ Перевозѣ жутко было отъ своихъ мучителей. Пробовали сначала лестью, посулами и подкупомъ вывѣдать отъ него—гдѣ бояринъ; но видя, что старикъ стоитъ на томъ же, какъ и сначала, показывалъ: «быль-де на охотѣ бояринъ, и съ охоты куда скрылся, Господь его вѣдаетъ!» принялись за истязанія: били нещадно долго и мученику святому приходилось не вѣтмоготу, когда окна охватились заревомъ пожара. И судьи, и палачи кинулись на дворъ; но двое казаковъ не отступили отъ жертвы и шага: «и въ пеклѣ мы съ тобой не разстанемся», глумились они. Въ окнахъ мелькнули возвратившіеся разъѣздные на красномъ фонѣ пожара. Столбомъ въ тихомъ морозномъ воздухѣ пылала Домнинская усадьба, подоженная дьяхми.

— Дьяволы, гремѣли у крыльца казаки, видно вамъ жизнь не мила, что пожаромъ накликаете на себя всю мужицкую сволочь.

— Люди не сыскали,—огонь найдеть. Отъ него не скоронишься: дымъ тонокъ: и въ щели проберется, да задушитъ,—отвѣчали поляки.— Сѣдлайте, панове шляхта: до дѣсу пора.

И кинулись къ лошадямъ.

«Ангеломъ своимъ заповѣсть о тебѣ, сохрани ты во всѣхъ путехъ твоихъ», шепталь Сусанинъ, глядя въ окно на родное попелище.

Снять караульныхъ, послышался голосъ старшаго рейтара; но и снимать ихъ было уже незачѣмъ: Двѣ четверо сами ввалились на дворъ съ вѣстью, что и съ запада, и съ сѣверо-запада показались толпы крестьянъ.

«Всѣ на конь», командовалъ рейтареъ, бросаясь въ избу. Пошептавшись съ казаками, онъ вернулся къ конюшнямъ.

— Ну, старый чортъ, говорилъ одинъ изъ двухъ, подступая къ Сусанину, втроемъ поѣдемъ; въ лѣсъ вправо долиной Шачи веди. Вери кису-то; что сторонисься? въ ней пятьдесятъ дукатовъ. Считай теперь же; у насъ такъ по казачьему: безъ посула. Выведешь хоть кружно, да безъ встрѣчнаго народа на ярославскую дорогу, отпустимъ, — а вздумаешь бѣжать, али въ засаду, али въ отваль завести, — тебя перваго убьемъ, не промахнемся.»

— Послѣ: у насъ по русскому деньги берутъ, какъ заслужать, — отвѣчалъ Сусанинъ, натягивая полушубокъ на избитую спину.

На дворѣ уже слышался говоръ сближающейся толпы. Посадили и Сусанина на лошадь, причумбуривъ ее тонкой цѣпью къ двумъ казачьимъ лошадямъ.

«Гайда!» и на полныхъ рысяхъ ляхи спустились въ долину Шачи, при двойномъ свѣтѣ; и полного мѣсяца, и пожара.

Съ полчаса можно было ѣхать рысью, а дальше — тропина становилась уже, и уже, по мѣрѣ того, какъ углублялись въ лѣсъ; да и лошадямъ стало тяжелѣе отъ налипающей на капыта грязи. Въ воздухѣ замѣтно потеплѣло, по вершинамъ лѣса прошумѣлъ вѣтерокъ и бѣлыя облака стали набѣгать на мѣсяць. Голоса крестьянъ будто уже замерли вдаль, и въ лѣсу, подъ тихую молвь мѣрно качающихся деревьевъ, не говорилось вслухъ даже и полякамъ.

«Видимо Господь помогаетъ, думалъ Сусанинъ, зналъ Богдаша какъ нашихъ направить: покажись они справа, а не слѣва, оттерли бы вороговъ отъ болота, а теперь ляхи сами на смерть идутъ: Богъ мнѣ — прибѣжище и сила.»

А лѣсъ все выше, да чаще и темнѣе, и мѣсяца не видать уже за сѣрыми тучами; рядомъ втроемъ уже и ѣхать нельзя, и оставшійся обокъ съ Сусанинымъ ка-

закъ опоясалъ цѣпью и его. Время къ полуночи; вѣтеръ упалъ, а съ нимъ притихли и послѣдніе голоса погони, и частые хлопья снѣга закружились въ воздухѣ. Свѣтъ крадется только справа, гдѣ лѣсъ рѣдѣетъ на спускѣ къ болоту; слѣва же темною стѣною встаетъ на сотни верстъ боръ, охваченный снизу непроходимую чашею мелкаго березника и елокъ. Что-то завыло впереди, и мелькнули въ темени два огненныхъ глаза; собаки насторожились, переднія лошади захрапѣли и стали.

«Волки,» проговорилъ Сусанинъ, трогая коня. Завидѣвъ много народу, звѣрь нырнулъ въ чашу, пока сотня такихъ же голосовъ стали отзывать ему по лѣсу: то смолкнуть, то снова затянуть; и вблизи, и вдали, жалобно, *нудно*, нойливо.

— А пора бы намъ, старина, и на ярославскую дорогу свертывать, говорилъ казакъ: погони-то не слышать больше.

— Окромя какъ на Исупово отсюда не выберешься, отвѣчалъ Сусанинъ. Влѣво звѣрю развѣ пройти, человекъ же и пѣшій застрянетъ, а вправо болото зыбко: и собаки не сдержатъ.

— А долго-ли до Исупова?

— Да кругомъ-то къ свѣту можетъ и дойдемъ.

— А не кругомъ?

— Значить на Митюрѣво? Тутъ дороги съ часъ мѣста будетъ, не больше, да трясина грозна; въ морозъ ходятъ, а по нынѣшней погодѣ лошадей перетопите, да и пѣшему съ непривычки не выбратъся. Снѣгъ не унимался, и за два часа его столько напало, что задніе стали и приставать. Люди всѣ почти спѣшились; отъ скользившихъ на каждомъ шагу лошадей паръ валилъ клубомъ, и отряду пришлось останавливаться, поджидая отсталыхъ. Опять заморозило; мяг-

кіе и влажные хлопья снѣга смѣнились мелкимъ градомъ и изморозью; Сусанинъ поднялъ голову: облачныхъ очертаній ужь не видно на горизонтѣ, весь онъ взялся одною бѣловатою пеленою.

«Эхъ, кабы задулъ!» думалось старику.

— Вишь голосають, проклятые, ворчалъ казакъ, обвязывая лицо платкомъ; но были уже не волки, а лѣсныя вершины, волной заходившія подъ первымъ налѣтомъ вихря. Дошла до Бога молитва праведника:

«Твориай ангелы своя вѣтры,» шепнула Сусанинъ, осѣняя себя крестомъ.

— Что стали-то? кричалъ казакъ заднимъ, не гибнуть-же веѣмъ изъ-за васъ.

— Тройхъ недосчитываются, отозвался другой, ѣхавшій замковымъ.

— Труби!

Мятель разыгрывалась, морозъ крѣпчалъ, и острая изморозь, гдѣ дооткрытѣе, какъ иглами, сѣкла лицо.

Пока подбирали отсталыхъ, рейтаръ и оба старшіе казака сошлись около Сусанина, совѣщаясь: что дѣлать.

Для ясности дальнѣйшаго разсказа, необходимо дать понятіе въ короткихъ словахъ о мѣстности болота, названнаго «Чистымъ,» по смерти Сусанина.

Начинаясь подъ деревнею Перевозомъ, идетъ оно верстъ на пять на востокъ вверхъ по р. Шачѣ, принимающей въ себя на половинѣ этого разстоянія два притока: съ сѣвера—Водышь, съ юга—Пичежь. Здѣсь болото отвѣтвляется на югъ, и русломъ Пичежа идетъ еще верстъ на пять. По обѣ стороны Шачи стелются сѣнокосные луга, образующіе непроходимое болото по мѣрѣ сближенія къ сѣверному подгорью, вплоть до того мѣста, гдѣ зимою бываетъ дорога съ сѣвера на югъ, къ селу Исупову.

Между этою-то дорогою и мѣстомъ, гдѣ въ Шачу

впадаютъ оба притока, издали видишь какъ-бы луга, но въ самомъ дѣлѣ они до того зыбки и топки, что владѣльцы, съ большою опасностію и только въ сухое лѣто, рѣшаются косить растущую тамъ осоку и мечутъ ее на высокіе подмостки; домой же свозить траву могутъ только во время морозовъ. Вѣковой лѣсъ сходитъ съвернымъ подгорьемъ къ самому болоту, образуящему подъ лѣсомъ кочковатую площадь, усыянную окнами (наполненная водою и заросшая осокою яма). Между этими кочками, противъ деревни Анферово, есть впрочемъ еле замѣтная болотная тропа на уголь, образуемый впадениемъ Водыша въ Шачу, и отъ этого угла, пошире и позамѣтнѣе, тропа на сѣверъ къ подгорной, обширной, пустой и продолговатой полянѣ, безъ травы, лѣса и кочекъ, образующей собою трясины невылазную: окраина поляны и есть послѣдняя грань, куда по сухолѣтью доходятъ косцы. Обманчивую поляну эту зовутъ въ народѣ «Бѣль», и на ней, къ западу только, есть небольшой бугоръ съ высохшею сосною, называемой «Красною». Пространство отъ зимней дороги въ Исупово до мѣста слиянія двухъ ручьевъ съ Шачею и есть именно та часть болота, которая именуется теперь «Чистымъ Болотомъ.»

Изъ соображенія мѣстности съ задуманнымъ Сушанинымъ планомъ гибели ляховъ видно, что хотѣлъ онъ ихъ вести анферовскою тропкою на уголь Шачи и Водыша, который при самомъ впадѣніи хотѣ и приглубѣе, да берегомъ нѣсколько тверже, и здѣсь попытаться убѣжать отъ нихъ чрезъ ледъ на лѣвый берегъ ручья: четыре-пять шаговъ по льду и онъ спасенъ: если ледъ и сдержитъ его въ одиночку, то конечно не сдержитъ нѣсколько человекъ, какіе кинулись бы за нимъ разомъ по стремительности погони; эти и перетовучъ, а остальные забредутъ въ Бѣль, выбираясь къ Красной

Соснѣ, одинокой и потому замѣтной и въ мятель, — и къ свѣту замерзнуть въ трясинѣ. Совѣщаясь, одни настаивали на томъ, чтобы разложить костры и у нихъ заночевать въ лѣсу, не рискуя спускомъ въ болото. Другіе возражали, что усилится мятель — всѣ и у костровъ перемерзнемъ; — а поспадеть, такъ тѣми же кострами накличемъ на себя мужиковъ, осилить которыхъ намъ будетъ трудно; послѣ перваго залпа пѣлящихъ изытешноты въ людей на свѣту; если и мало ружейниковъ между мужиками, зато народу у нихъ больше и не пьяны они, какъ всѣ почти поляки, грѣвшіеся за дорогу одною водкою. Какъ ни тяжело переваль черезъ болото къ Исупову, больше двухъ часовъ не пройдутъ же; лежа у костровъ сонъ сморить отъ водки и холода, и могутъ замерзнуть, а на болотѣ, выгружая изъ трясины, то лошадей, то самъ себя, каждый предохранятся отъ спячки, и два часа хода, хоть и въ пургу, не обезсилятъ же людей до невозможности продолжать путь. Наконецъ морозъ, какъ ни страшенъ въ мятель, а схватилъ же болотовъ настолько, что вмѣсто двухъ часовъ и въ часъ него перейти и быть можетъ успѣютъ. На послѣднемъ и порѣшили. До Чистаго Болота отрядъ добрался, не потерявъ даже и лошади; стерпима была изморозь и людямъ отъ лѣснаго затишья. Но морозъ все усиливался. Достигнувъ спуска въ болото противъ Анферова, ляхи прибодрились: мятель на столько стихла, что иногда можно было разглядѣть и ранніе огни въ избахъ Исупова. „И всего-то рукой подать“, ворчалъ казакъ, мѣряя глазомъ, бѣловатую мглу, отдѣлившую ихъ отъ свѣта и спасенья. Спустились — еще лучше: сѣверный вѣтеръ, заслоняемый крутымъ и лѣсистымъ спускомъ, подъ горою былъ мало чувствителенъ. Водоотронулся отрядъ въ болото, но съ пер-

выхъ же шаговъ всё почти пришлось спѣшиться. Лошадь Сусанина передали заднимъ, и старикъ, отщепивъ толстую вѣтку отъ подстойнаго дерева, сдѣлалъ себѣ изъ нея шестокъ для нащупыванія болотныхъ оконъ. Казакъ, ведя свою лошадь на долгомъ поводу, держалъ въ правой рукѣ вытянутую во всю длину цѣпь, охватывавшую Сусанина. Пошли кочки, и близь одной изъ нихъ лошадь казака оборвалась въ окно, потянувъ и его за собою, а цѣпь, захлеснувшись за пень, лопнула, оставивъ небольшой конецъ у пояса Сусанина. Вскочивъ на ноги у самого окна, старикъ вытащилъ казака, а лошадь засосало твалю въ глазахъ обоихъ.

— Отдай поводья! кричалъ казакъ отряду, слѣдуя шагъ въ шагъ за Сусанинымъ по пнямъ и кочкамъ. И бѣдныя твари, пущенныя на волю, скользя, спотыкаясь и барахтаясь въ вязкой трясинѣ, тянулись за людьми, пока силъ хватало, и гибли въ окнахъ десятками. Поляки сначала пробовали подхватить подъ узды обрывавшуюся лошадь, но когда нѣсколько человекъ заплатились жизнью за такую попытку, то остальные, снявъ съ выюка что поцѣпнѣе, — стали думать только о себѣ. Иные пристроивались за собаками, и этимъ было легче миновать окна, обходимыя умными животными съ непогрѣшимостью инстинкта. Другіе, обрываясь, хватались за кустъ, за пень, за хвостъ лошади.

А чѣмъ глубже въ болото, тѣмъ страшнѣе бушевала выюга: морозныя иглы слѣпили глаза, кололи лицо и захватывали дыханіе. Ни у кого и духа уже не доставало вернуться въ лѣсъ, скрывшійся изъ глазъ за снѣжною пеленою; впереди — гибель, но люди и надежда начью либо помощь, а сзади — одна гибель. Сквозь свистъ бури слышались только вопли утопавшихъ, да частая дробь изморози о ближайшую преграду, да ползучій звукъ снѣжныхъ вихрей, пылью осыпавшихся и

скользившихъ по гололедицѣ. Сусанинъ шель тихо впереди, сберегая силы для скачковъ съ кочки на кочку, опускаясь наземь передъ налетающими буранными столпами и останавливаясь всякій разъ, когда дыханіе отъ усилія становилось одышкою. При каждой такой остановкѣ онъ теръ себѣ снѣгомъ лицо и руки, лоя глазами просвѣты вьюги: неопознается ли гдѣ Красная Сосна. Казакъ не отставалъ, держась за цѣпь лѣвою рукою, неся пистолетъ въ правомъ рукавѣ и прихватываясь правою же рукою за сучья и корни.

Съ часъ спустя отъ входа въ болото, замаячила во вьюжномъ туманѣ лѣво отъ переднихъ и Красная Сосна. Сусанинъ взялъ вправо; окна стали попадаться рѣже и грунтъ болота будто бы затвердѣлъ: подходили къ углу впаденія Водыша въ Шачу. Грунтъ тверже и тверже, вправо обозначились прирѣчные тростники и къ нимъ подъ угломъ—порядокъ надручейныхъ ветель, упиравшихся въ Шачу. Ближайшимъ къ передней парѣ оказались рейтаръ, да неотставшая и шагу отъ хозяйина лошадь его, на которую тутъ же и взмогся онъ, приговаривая, что полѣсскому коню и московское болото не страхъ; за этимъ стали подтягиваться и остальные, всѣхъ набралось двадцать ляховъ, да пять лошадей, на которыхъ тутъ-же и посажались измученные всадники. Собаки уцѣлѣли до одной. Все прочее погибло въ болотѣ. Мятель продолжалась, но уже не съ прежнею силою. „Трогай!“ кричалъ казакъ, осиливая голосомъ бурю. Еще нѣсколько шаговъ, и онъ съ Сусаниномъ стали подравниваться къ ветламъ.

Ловкимъ ударомъ шеста старикъ выбилъ цѣпь изъ казачей руки и нырнулъ въ кусты. Казакъ успѣлъ однако выстрѣлить по немъ, но промахнулся. Рейтаръ спустилъ курокъ въ упоръ скользнувшей фигурѣ, но замокъ пистолетъ осѣкся, и мигъ спустя за вѣтлами

послышался трескъ угинающагося льда. Вслѣдъ за собаками, ляхи кинулись къ ручью, какъ одинъ человекъ; первыхъ двухъ Сусанинъ повалилъ дубиною, но остальные его осилили и изрубили мученика въ куски.

Къ утру мятель утихла и подь вечеръ Сабининъ съ деревнищенскими крестьянами набрали сначала на поляковъ, замерзшихъ подь Красною Сосною, прозванною съ той поры въ народѣ „проклятою“, а затѣмъ на бѣрегу Водыша, межъ двухъ вражьихъ труповъ, обрѣли тѣло и Ивана Сусанина, кровью своею украсившаго тронъ народолюбиваго Дома Романовыхъ.

Схоронили мужика подь Домнинскою церковью, гдѣ въ первое время и пѣлись ежедневныя по немъ панихиды. Преданье говорить, что Бояринъ Михаилъ Федоровичъ самъ складывалъ въ гробъ части изрубленнаго тѣла спасителя своего.

А въ первыхъ дняхъ декабря Сабининъ исполнилъ зарокъ тестя, возвративъ инокинѣ матери возлюбленнаго сына ея, воцарившагося въ Костромскомъ Ипатьевскомъ монастырѣ 14 марта 1613 года.

За смерть Сусанина воздалъ народу своему Императоръ Александръ II манифестомъ 19 февраля 1861 года. Теперь очередь возданія—за народомъ.

221. Сказаніе объ Апостолѣ Ѳомѣ. М. 1879 г. ц. 3 к.
222. Рассказы изъ жизни св. Тихона Задонскаго. М. 1879 г. ц. 6 к.
223. Не случайность, а промыселъ. Рассказъ. М. 1879 г. ц. 3 к.
224. Дѣла св. Ѳлота. Повѣсть Цшоке. Изд. 4-е. М. 1879 г. ц. 25 к.
225. Какъ питается человекъ. Рассказъ. Изд. 3-е. М. 1879 г. ц. 10 к.
226. Императрица Всероссийская Екатерина Алексѣевна Вторая, Великая. Сост. Н. Трескинымъ. М. 1879 г. ц. 10 к.
227. Святѣйшій Князь Потемкинъ-Таврической. Сост. Н. Трескинымъ. М. 1879 г. ц. 10 к.
228. Подвиги милосердія. Переводъ съ французск. Ляликовой. Изд. 4-е исправленное и дополненное, съ картинами. М. 1879 года, ц. 80 к.
229. Благочестивыя мысли и наставленія. Изд. 3-е. М. 1879 г. ц. 10 к.
230. Въ родной землѣ и въ чужихъ краяхъ. Вып. 1-й, съ 40 рисунками. М. 1879 г. ц. 90 к.
231. Не стыдись насмѣшекъ. Изд. 2-е, съ 5-ю рисунками. М. 1879 г. ц. 3 к.
232. Маленькій лѣнтяй. Изд. 2-е, съ 10-ю рисунками. М. 1879 г. ц. 2 к.
233. Два гнѣзда. Съ 3-мя рисунками. Изд. 2-е. М. 1879 г. ц. 3 к.
234. Испанская собака и пудель. М. 1879 г. ц. 2 к.
235. Наши обязанности къ животнымъ. Со 100 рисунками. М. 1880 г. ц. 1 р. 20 к.
236. Океаны. Съ 10 рисунками. Изд. 2-е. М. 1880 г. ц. 15 к.
237. Въ родной землѣ и въ чужихъ краяхъ. Вып. 2-й. Съ 75-ю рисунками. М. 1880 г. ц. 50 к.
238. Русскіе Великіе Князья. Съ 23-мя портретами. М. 1880 г. ц. 25 к.
239. Пчелка, съ 70-ю рисунками. М. 1880 г. ц. 1 р. 50 к.
240. Нашъ Котъ Васька. Изд. 2-е. М. 1880 г. ц. 3 к.
241. Князь Яковъ Ѳеодоровичъ Долгоруковъ. Рассказъ изъ русской исторіи. Изд. 2-е. М. 1880 г. ц. 40 к.
242. Краткій очеркъ перваго 25-лѣтія царствованія Императора Александра II. Съ портретомъ. Изд. 2-е. М. 1880 г. ц. 10 к.
243. Подарокъ за прилежаніе и успѣхи. Съ 30 картинами. М. 1880 г. ц. 25 к. Тоже въ красной папкѣ ц. 50 к.
244. Праздныя руки. Изд. 2-е. М. 1880 г. ц. 1 к.
245. Русскіе поэты. Новый сборникъ. М. 1880 г. ц. 15 к.
246. Народная и дѣтская бібліотека. Библиографическій журналъ за 1879 г. ц. 1 р.
247. Общедоступное чтеніе во время говѣнія. М. 1880 г. ц. 15 к.
248. Начальное чтеніе. Съ 200 картинами. М. 1880 г. ц. 30 к.
249. Какъ живетъ растеніе. Изд. 2-е. М. 1880 г. ц. 15 к.
250. Гуттенбергъ, изобрѣтатель книгопечатанія. Изд. 3-е. ц. 15 к.
251. Мыльные пузыри. Съ 10 рисунками. М. 1880 г. ц. 20 к. Тоже въ красивой оберткѣ. ц. 30 к.
252. Заразныя и повальныя болѣзни. В. Понандоуло. ц. 10 к.
253. Званный вечеръ у Мими. Съ 4 хромолитогр. картин. ц. 35 к.
254. Петръ Великій. Издан. 3-е. ц. 5 к.
255. Старый дворецкій. Изд. 3-е. ц. 5 к.
256. Бѣлка и сурокъ. ц. 10 к.
257. Въ родной землѣ и въ чужихъ краяхъ. Вып. 3-й. ц. 50 к.
259. Избраніе въ цари Михаила Ѳеодоровича Романова. ц. 15 к.
260. Подарокъ за прилежаніе и благо нравіе. ц. 50 к.
261. Русскіе Великіе Князья и Цари, съ портретами, ц. 25 к.
262. Басни Эзопа съ картинами. ц. 80 к.
263. Моимъ маленькимъ друзьямъ. ц. 1 р.

264. Пчелка. Вып. 2-й. Чтеніе для старшаго возраста. ц. 1 р. 60 к.
 265. Очеркъ жизни Александра Сергѣевича Пушкина. ц. 20 к.
 Тоже 10 к.
 266. Дѣтство Пушкина ц. 15 к.
 267. Московскій Кремль. Соч. Толмачевой. ц. 30 к.
 268. Въ чужихъ краяхъ, вып. 4-й ц. 1 р. 50 к.
 269. Двѣ были, одна сказка и небывала. ц. 30 к.
 270. Мачиха. ц. 20 к.
 271. Капитанъ Бонль. ц. 5 к.
 273. Довучливый Петя, ц. 2 к.
 274. Гриша или любовь сестры, ц. 2 к.
 275. Добрый настихъ, ц. 2 к.
 276. Пересканикъ, ц. 2 к.
 277. Куликовская битва, ц. 10 к.
 278. Чтеніе изъ исторіи среднихъ вѣковъ, ц. 75 к.
 279. Время Великаго Князя Владиміра, ц. 25 к.
 280. Чѣмъ питается человекъ, изданіе четвертое ц. 10 к.
 281. Горячіе уголья, ц. 2 к.
 282. Внучка, ц. 2 к.
 283. О земной жизни Спасителя. ц. 30 к.
 284. Любовь къ животнымъ, ц. 5 к.
 285. Лапы и когти. ц. 80 к.
 286. Великій Князь Ярославъ I, ц. 10 к.
 287. Народныя пѣсни. ц. 10 к.
 288. Царь Феодоръ Иоанновичъ. Историческій разсказъ А. С. Хомякова. ц. 5 к.
 289. Чудодѣи и мыло. Разсказы для крестьянскихъ дѣтей старшаго возраста. ц. 3 к.
 290. Разсказы изъ дѣтской жизни. Съ картинками. ц. 1 р.
 291. Будьте сострадательны. ц. 25 к.
 292. Сонъ Лиды, втычка, изъ записокъ медвѣдя и пр. ц. 25 к.
 293. Золотой гусь. ц. 2 к.
 294. Царевна-лягушка. ц. 3 к.
 295. Между дѣтьми. М. 1881 г. ц. 60 к.
 296. Гадкій утенокъ, изд. 3-е, ц. 5 к.
 297. Французскіе поэты, изд. 2-е, ц. 15 к.
 298. Русскія сказки, ц. 15 к.
 299. Царевна въ зелени, ц. 60 к.
 300. Три медвѣдя, съ нѣмецкаго, ц. 10 к.
 301. Сборникъ Англійскихъ поэтовъ ц. 15 к.
 302. О молитвѣ Господней, ц. 15 к.
 303. Псалмы въ стихахъ, ц. 15 к.
 304. Очеркъ жизни Державина, 10 ц. к.
 305. Сборникъ дѣтскихъ пѣсень. ц. 15 к.
 306. Избави, Боже, отъ грѣха и отъ недобраго человекъ, ц. 5 к.

При требованіи книгъ изданія Общества на 10 руб. дѣлается уступка 10⁰/₀; на 25 руб.—20⁰/₀; на 100 руб. и болѣе—25⁰/₀ съ пересылкою на счетъ покупателей.

Книжный Магазинъ Общества имѣетъ въ продажѣ всѣ учебныя народныя и дѣтскія книги другихъ издателей и высылаетъ оныя съ уступкою ⁰/₀ скоро и аккуратно.

Требованія адресовать: въ Книжный магазинъ Общества распространенія полезныхъ книгъ. Москва, Петровка, въ проваздѣ Петровскихъ торговыхъ линий.

Тамъ же принимаются заказы на всякаго рода типо-литографскія работы въ собственной типографіи Общества.

